

Связь базовых ценностей личности с характером психологической адаптации к глобальным цифровым рискам

Карabanова О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2637-4353>, e-mail: okarabanova@mail.ru

Тихомандрицкая О.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9072-1826>, e-mail: otihomandr@mail.ru

Молчанов С.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>, e-mail: s-molch2001@mail.ru

Представлены материалы исследования предикторов успешности адаптации к рискам цифровизации общества. В работе изучались связи ценностей личности с особенностями цифровой адаптации. В числе основных задач авторы определили выделение групп, различающихся по уровню психологической адаптации к цифровизации; выявление различий в базисных убеждениях и социальных верованиях, ценностных ориентациях у лиц с различным уровнем психологической адаптации к цифровизации; сравнительное изучение возрастных особенностей психологической адаптации личности к цифровизации в молодости и средней зрелости. В исследовании был использован следующий инструментарий: опросник «Психологическая адаптация к рискам цифровизации» (Е.П. Белинская, О.А. Карabanова, О.А. Тихомандрицкая и др.); «Вера в конкурентный мир» и «Вера в опасный мир» (DW-S) Дж. Джаккита (в адаптации О.А. Гулевич и др.); методика «Вера в справедливый мир», адаптированная С.К. Нартовой-Бочавер и др.; Шкала базисных убеждений личности в адаптации М.А. Падуна, А.В. Котельниковой; Портретный опросник ценностей Ш. Шварца; новый опросник толерантности к неопределенности (Т.В. Корнилова и др.). Выборку составили 408 респондентов в возрасте от 18 до 55 лет, из них 49,7% мужчин и 50,3% женщин. Были выделены три группы, различающиеся по характеру адаптации к цифровым рискам — «адаптированные», «тревожно-неадаптированные» и «неадаптированные». Обнаружены значимые различия в базисных убеждениях и социальных верованиях у респондентов этих групп. Подтверждена гипотеза о связи базовых ценностей с успешностью адаптации. Выявлены возрастные особенности адаптации к цифровизации. Выявлена гетерогенность адаптации к цифровизации по различным критериям.

Подтверждена гипотеза о связи ценностей самопреодоления и изменений с успешностью адаптации. Выявлена связь успешности адаптации с задачами развития молодости и средней зрелости и релевантными им видами деятельности.

Ключевые слова: психологическая адаптация; ценности; риски цифровизации; базисные убеждения; возрастные особенности адаптации.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00230 «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ».

Для цитаты: Карабанова О.А., Тихомандрицкая О.А., Молчанов С.В. Связь базовых ценностей личности с характером психологической адаптации к глобальным цифровым рискам // Психологическая наука и образование. 2024. Том 29. № 4. С. 104—125. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2024290409>

The Connection Between Basic Personal Values and Psychological Adaptation to Global Digital Risks

Olga A. Karabanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2637-4353>, e-mail: okarabanova@mail.ru

Olga A. Tikhomandritskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9072-1826>, e-mail: otihomandr@mail.ru

Sergey V. Molchanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>, e-mail: s-molch2001@mail.ru

The study is relevant to understanding the predictors of successful adaptation to the risks of digitalization of society. The goal is to study the connection between personal values and the characteristics of digital adaptation. The objectives included identifying groups differing in psychological adaptation to digitalization; analyzing differences in basic and social beliefs and value orientations among these groups; and conducting a comparative study of age-related characteristics of psychological adaptation to digitalization in youth and middle adulthood. The research methods included the following: the “Psychological Adaptation to the Risks of Digitalization” questionnaire (E.P. Belinskaya, O.A. Karabanova, O.A. Tikhomandritskaya, etc.); “Faith in a Competitive World” and “Faith in a Dangerous World” (DW-S) by J. Jakkita (adapted by O.A. Gulevich and others); the “Belief in a Just World” technique, adapted by S.K. Nartova-Bochaver and others; “Scale of Basic Personal Beliefs”, adapted by M.A. Padun, A.V. Kotelnikova; “Portrait Questionnaire of Values” by S. Schwartz; a new questionnaire of tolerance to uncertainty (T.V. Kornilova et al.). The sample consisted

of 408 respondents aged 18 to 55 years, of whom 49,7% were men and 50,3% were women. Three groups were identified based on their adaptation to digital risks: “adapted,” “anxious-maladapted,” and “non-adapted”. Significant differences were found in basic and social beliefs among respondents of these groups. The hypothesis that basic values are connected to successful adaptation was confirmed. Age-related features of adaptation to digitalization have been identified. The heterogeneity of adaptation to digitalization according to various criteria has been revealed. The hypothesis about the connection between values of self-overcoming and change with adaptation success was confirmed. The connection of adaptation success with the developmental tasks of youth and middle maturity and activities relevant to them was revealed.

Keywords: psychological adaptation; values; risks of digitalization; basic beliefs; age-related characteristics of adaptation.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-18-00230 “Predictors of psychological adaptation of the individual in the situation of global risks of the digital world: intergenerational and gender analysis”.

For citation: Karabanova O.A., Tikhomandritskaya O.A., Molchanov S.V. The Connection Between Basic Personal Values and Psychological Adaptation to Global Digital Risks. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2024. Vol. 29, no. 4, pp. 104—125. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2024290409> (In Russ.).

Введение

Актуальность изучения факторов и условий психологической адаптации человека к глобальным цифровым рискам, порождаемым современным транзитивным информационным обществом, не подлежит сомнению. Согласно социально-когнитивной концепции цифровой социализации трансформация человека в технологически достроенную «расширенную» личность, оснащенную новыми культурно-технологическими орудиями (гаджетами) и освоившую знаковую реальность интернета, отражает процесс адаптации человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической конвергентной среды как инновационной экосистемы [4]. Цифровая гиперподключенность как характеристика изменяющейся личности пронизывает всю систему социальных взаимодействий [21]. Можно говорить о глобальных цифровых рисках для адекватной жизни современного человека: вопросы трудностей онлайн-коммуникации в межличностном и профессиональном аспекте, безопасности личных

данных и высокого риска встречи с мошенничеством, поиска адекватной информации, вопросы эффективности онлайн-обучения. Личностный адаптационный потенциал является сложной многоуровневой системой, характеризующейся совокупностью индивидуально-психологических признаков, обуславливающих эффективность психологической адаптации и определяющих направление, содержание, интенсивность адаптационного ответа личности. На личностном уровне адаптационный потенциал включает мотивационный компонент, определяющий целеполагание и выбор средств достижения цели в соответствии с принятой системой ценностей, и коммуникативный компонент [3]. Достижение высокого уровня цифровой компетентности, являющейся показателем успешной психологической адаптации личности к цифровизации общества, основано на мотивационном потенциале личности, содержание и динамика которого, в свою очередь, обусловлены системой базовых ценностей человека и социальной поддержкой стремления личности к удовлетворению

потребности в компетентности и автономии, модерированной ценностью саморазвития и самосовершенствования [28].

В настоящее время связь цифровой компетентности и личностных особенностей с успешностью адаптации в подростковом возрасте в контексте проблемы цифровой социализации стала предметом всестороннего исследования в ряде работ [13; 15]. Показано, что рост цифровой компетентности у подростков и их родителей находит выражение в повышении ответственности поведения в онлайн-среде [14]. Теоретически и на основе эмпирического исследования обосновано положение о том, что ведущим фактором, определяющим психологическое благополучие личности в ситуациях жесткой и мягкой транзитивности в онлайн- и офлайн-коммуникации, является стиль информационной идентичности как сущностная характеристика личности [10].

Выявлена взаимосвязь уровня диспозиционного оптимизма как значимой характеристики личности с эффективностью психологической адаптации к цифровизации профессиональной деятельности [7]. Вместе с тем обнаружена неоднозначность связи психологического благополучия и удовлетворенности работой с такими показателями психологической адаптации к цифровой трансформации, как уровень организационного стресса и вовлеченность сотрудников [1]. Доказано, что цифровая тревожность как показатель неудовлетворительной адаптации к цифровизации общества отрицательно связана с жизнестойкостью и диспозиционным оптимизмом [2]. В исследовании представлений о реальном и виртуальном пространствах как составляющей актуальной картины мира в цифровом обществе у подростков и их родителей была установлена связь представлений с ценностными ориентациями, причем для родителей — представлений о реальном и виртуальном мире, а для подростков такая связь была зафиксирована только для представлений о реальном мире [16].

Ценности как фундаментальные мотиваторы личности прямо либо косвенно определяют вектор и целевую направленность

поведения и отношений человека, их про-социальный характер на любом возрастном этапе [22; 25]. Связь между базовыми человеческими ценностями и стилем принятия решений была установлена при изучении разрешения проблем подростками [24]. Переменными, опосредующими влияние ценностей на поведение, являются контекст, ситуационное давление, ограничения, когнитивная поддержка, конкретные индивидуальные и этнокультурные факторы [26]. Метаанализ 797 исследований подтвердил теоретическую гипотезу о том, что ситуационные ограничения, такие как воспринимаемое социальное давление и возможные трудности, ослабляют связь между ценностными установками и поведением [30]. Однако для того, чтобы ценности стали действительными мотивами и придали смысл деятельности человека, регулировали соответствующее им поведение, необходимо, чтобы ценности были когнитивно проработаны и обрели значимость в ценностной структуре сознания личности [29]. В исследовании связи активности использования информационно-коммуникационных технологий и базовых ценностей в соответствии с круговой моделью Ш. Шварца у российской молодежи и старшего поколения выявлена связь девяти из десяти базовых ценностей, за исключением «стимуляции», с включенностью в ИКТ, причем независимо от возраста. Выявлены отсутствие связи активности использования интернета с ценностями блока «Самопреодоление» и положительная связь с ценностями блока «Открытость к изменениям» и блока «Самоутверждение» [17]. В настоящий момент при признании ведущей роли ценностей как выражения культуры и понимании ИКТ как новых социокультурных средств, определяющих психологические способности человека, связь ценностей с особенностями психологической адаптации человека к цифровым рискам изучена недостаточно, что и определило цель настоящего исследования. Теоретико-методологическую основу нашего исследования составила теория ценностей Ш. Шварца, который определяет ценности как «переходные цели,

различающиеся по важности и являющиеся руководящими принципами в жизни человека как социального субъекта», указав семь характеристик ценностей, выделяемых в прямой или косвенной форме в большинстве психологических моделей ценностей [19; 27]. Эти характеристики включают убеждения о важности желаемых целей, их связь с эмоциями, целевую и мотивирующую функцию, которая может быть реализована как на уровне сознания, так и бессознательного; эффект стоимости, возникающий в результате компромисса между соответствующими ценностями, функцию эталона как стандарта для оценки действий, людей и событий; иерархическую упорядоченность по значимости. Усовершенствованная теория основных человеческих ценностей выделяет в круговом континууме 19 мотивационно различных ценностей, которые могут быть сведены к четырем ценностям высшего порядка и 10 базовым ценностям, определяющим фокус ценностей (социальный или персональный) и стратегию жизнедеятельности (развитие и рост или тревогу и самозащиту) [19]. Как доказано метаанализом исследований более чем 7300 респондентов выделение 19 ценностей может повысить предсказательную и объяснительную силу ценностных паттернов поведения, в том числе адаптивного характера [23]. Круг отражает три критические характеристики отношений между ценностями: а) соседние ценности в круге мотивационно совместимы и могут реализовываться в одном и том же действии (например, гедонизм и стимуляция); б) ценности, расположенные на противоположных сторонах круга, мотивационно противоположны и обычно не могут быть реализованы в одном и том же действии (например, стимуляция или безопасность); в) мотивационная совместимость ценностей уменьшается с увеличением расстояния между ними по кругу. Отношения между ценностями могут быть описаны в различных наборах двух измерений (системах координат). Наиболее распространенные наборы основных измерений, также называемые основными принципами, которые организуют круг ценностей, вклю-

чают следующее: открытость к изменениям в сравнении с ценностями сохранения и самосовершенствование в сравнении с ценностями самоутверждения, личностный фокус по сравнению с ценностями социального фокуса и рост по сравнению с ценностями самозащиты [27]. Поскольку в ряде исследований была подтверждена инвариантность круговой модели иерархической системы ценностей Ш. Шварца как основы целеустремленности поведения человека, мы предположили, что существует связь между ориентацией личности на конкретные базовые ценности и ценностями высшего порядка и успешностью психологической адаптации к цифровизации общества.

Гипотеза — существуют различия в ценностных ориентациях и базисных убеждениях у лиц с различным уровнем психологической адаптации к цифровизации. Ориентация на ценности открытости к изменениям и самопреодоления является более значимой для хорошо адаптированных к цифровым рискам респондентов, по сравнению с теми, кто испытывает трудности адаптации.

Задачи: 1) выделение групп, различающихся по уровню общей психологической адаптации к цифровизации и адаптации в профессиональной, образовательной и семейной сферах; 2) выявление различий в базисных убеждениях и социальных верованиях, отражающих образ мира, у лиц с различным уровнем психологической адаптации к цифровизации; 3) выявление различий в ценностных ориентациях у лиц с различным уровнем психологической адаптации к цифровизации (проверка выдвинутой гипотезы); 4) сравнительное изучение возрастных особенностей психологической адаптации личности к цифровизации в различных социальных сферах в молодости и средней зрелости.

Характеристика выборки и используемого инструментария

Выборку исследования составили 408 респондентов в возрасте от 18 до 55 лет, из них 49,7% мужчин и 50,3% женщин. Возрастную группу молодости составили 160 человек в возрасте от 18 до 26 лет, возрастную группу

средней зрелости — 248 человек в возрасте от 45 до 55 лет. Выделение групп молодости и средней зрелости было предложено в периодизации Б. Ньюмена и П. Ньюмена, основанной на модели Э. Эриксона, где выделение разных периодов зрелости связано с решением задач развития человека.

Для достижения поставленной цели в проведенном нами исследовании были использованы следующие методики.

Опросник «Психологическая адаптация к рискам цифровизации» (Е.П. Белинская, О.А. Карабанова, О.А. Тихомандрицкая и др.) направлен на исследование общих параметров цифровой адаптации (поведенческая адаптация как умение обеспечить собственную безопасность в цифровом мире и как грамотность информационного поиска); коммуникативная адаптация как повседневная включенность в виртуальную коммуникацию и адекватность взаимопонимания в ней; нормативная адаптация как отсутствие склонности к обману, мошенничеству в виртуальной коммуникации; цифровая тревожность как переживание потери человеком своей субъектности и невозможности на что-либо повлиять), показателей общей адаптации в профессиональной, образовательной и семейной сферах и специальных показателей готовности к онлайн-обучению, адаптации к коммуникации в онлайн-обучении, тревожности в отношении онлайн-обучения и позитивного отношения к цифровизации. Методика была предложена в предыдущих работах авторов [2; 7]. Опросник включает 97 утверждений и 12 шкал по 5-балльной шкале Р. Ликерта.

Методика «Вера в конкурентный мир» (DW-S) Дж. Джаккита (в адаптации О.А. Гулевич, О.А. Аникеенко, И.К. Безменовой) направлена на исследование восприятия мира как конкурентного мира. Методика содержит 12 высказываний, которые оцениваются по 5-балльной шкале Р. Ликерта и дают общий интегративный показатель веры в конкурентный мир [5].

Методика «Вера в опасный мир» (DW-S) Дж. Джаккита (в адаптации О.А. Гулевич, О.А. Аникеенко, И.К. Безменовой) направле-

на на изучение общего отношения человека к миру, в котором он живет, с точки зрения его опасности. Методика содержит 12 высказываний, которые оцениваются по 5-балльной шкале Р. Ликерта и дают общий интегративный показатель веры в опасный мир [5].

Методика «Вера в справедливый мир», адаптированная коллективом авторов (С.К. Нартова-Бочавер, М.Б. Подлипняк, А.Ю. Хохлова), направлена на изучение веры в справедливый мир. Методика содержит 13 высказываний, которые оцениваются по 6-балльной шкале Р. Ликерта и дают общий интегративный показатель веры в справедливый мир [11].

Шкала базисных убеждений личности (Янофф-Бульман), адаптированная М.А. Падуном, А.В. Котельниковой [12]. Методика включает в себя 5 базисных убеждений — ядро субъективного мира человека: о «доброжелательности окружающего мира», «справедливости окружающего мира», «позитивности образа Я», «вере в удачу» и «убежденности в контроле над жизнью». Методика содержит 37 высказываний, которые оцениваются по 6-балльной шкале Р. Ликерта.

Портретный опросник ценностей Ш. Шварца (PVQ-Revised) — модифицированная форма исследования ценностных ориентаций, адаптированная коллективом авторов (Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова). Направлен на изучение различных ценностей, описывает весь континуум базовых ценностей (самостоятельность мыслей и поступков, стимуляция, гедонизм, достижения, власть над ресурсами и власть как доминирование, репутация, безопасность личная и общественная, традиции, конформизм перед правилами и межличностный, скромность, благожелательность как забота и чувство долга, универсализм как забота о природе, о других и толерантность) и ценностей высшего порядка (изменений, сохранения, самопреодоления и самоутверждения). Опросник состоит из 57 утверждений [19].

Новый опросник толерантности к неопределенности (Корнилова, Чумакова) направлен на выявление личностной характе-

ристики толерантность к неопределенности, основанной на схеме А. Фернхема. Опросник состоит из 33 утверждений [9].

Шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург («Warwick-Edinburgh Mental Wellbeing Scale» (WEMWBS)), адаптированная в работах Р.С. Шилко и др. Шкала-опросник состоит из 14 утверждений, на которые необходимо ответить по 5-балльной шкале Р. Ликерта [20].

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с использованием программ SPSS версия 21 и Jamovi.

Результаты

Перед анализом результатов приведем данные по дескриптивной статистике по всем использованным нами методикам в исследовании. Полученные результаты приведены в Приложении. Методом К-средних на основе шкал психологической адаптации к цифровизации была проведена кластеризация выборки с выделением трех кластеров и определением значимых различий между кластерами с использованием однофакторного дисперсионного анализа ANOVA и теста Тьюки (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Распределение респондентов по группам, различающимся по характеру психологической адаптации к цифровизации (N=408)

Шкалы психологической адаптации к цифровизации	Кластер 1 Тревожно-неадаптированные N=142		Кластер 2 Адаптированные N=131		Кластер 3 Неадаптированные N=135		Различия		Сила эффекта η ²
	M	SD	M	SD	M	SD	F	p	
Обеспечение безопасности в цифровой среде	3,47	0,60	3,57	0,57	2,98	0,53	41,99	<0,01	0,17
Грамотность информационного поиска	3,09	0,42	3,58	0,46	3,05	0,39	60,37	<0,01	0,23
Коммуникативная адаптация	3,33	0,53	3,25	0,53	2,94	0,45	22,08	<0,01	0,11
Нормативная адаптация (отсутствие склонности к обману и мошенничеству)	3,11	0,83	4,11	0,52	3,31	0,63	80,82	<0,01	0,28
Цифровая тревожность	3,70	0,50	2,93	0,69	2,90	0,57	84,04	<0,01	0,29
Адаптация к цифровизации в семейной сфере	2,84	0,70	3,93	0,55	3,19	0,59	107,73	<0,01	0,35
Адаптация в профессиональной сфере	2,83	0,41	3,55	0,41	3,08	0,35	117,46	<0,01	0,37
Адаптация в образовательной сфере	2,98	0,31	3,23	0,58	3,09	0,28	21,02	<0,01	0,10
Готовность к онлайн-обучению	3,39	0,43	3,76	0,43	3,11	0,47	72,96	<0,01	0,26
Тревожное отношение к онлайн-обучению	1,99	0,61	2,84	0,42	3,36	0,69	148,64	<0,01	0,42
Коммуникативная адаптация к онлайн-обучению	2,44	0,50	2,83	0,62	3,00	0,42	32,91	<0,01	0,14
Позитивное отношение к цифровизации	2,98	0,49	3,12	0,51	3,10	0,40	3,55	0,03	0,02

Таблица 2

Значимые различия между кластерами, различающимися по характеру психологической адаптации к цифровизации, с использованием теста Тьюки (N=408)

Шкалы психологической адаптации к цифровизации	Кластер 1/ Кластер 2		Кластер 1/ Кластер 3		Кластер 2/ Кластер 3	
	MD	p	MD	p	MD	p
Обеспечение безопасности в цифровой среде	-0,10	0,32	0,49	<0,01	0,59	<0,01
Грамотность информационного поиска	-0,47	<0,01	0,04	0,66	0,51	<0,01
Коммуникативная адаптация	0,09	0,34	0,39	<0,01	0,30	<0,01
Нормативная адаптация (отсутствие склонности к обману и мошенничеству)	0,99	<0,01	-0,20	0,037	0,79	<0,01
Цифровая тревожность	0,77	<0,01	0,81	<0,01	0,03	0,88
Адаптация к цифровизации в семейной сфере	-1,09	<0,01	-0,35	<0,01	0,74	<0,01
Адаптация в профессиональной сфере	-0,72	<0,01	-0,25	<0,01	0,47	<0,01
Адаптация в образовательной сфере	-0,26	<0,01	-0,11	0,01	0,14	<0,01
Готовность к онлайн-обучению	-0,37	<0,01	0,28	<0,01	0,65	<0,01
Тревожное отношение к онлайн-обучению	-0,85	<0,01	-1,37	<0,01	-0,52	<0,01
Коммуникативная адаптация к онлайн-обучению	-0,19	0,01	-0,52	<0,01	-0,33	<0,01
Позитивное отношение к цифровизации	-0,14	0,04	-0,11	0,11	0,03	0,883

Были выделены три группы, различающиеся по характеру психологической адаптации, примерно равной численности. Для респондентов первого кластера (N=142) «Тревожно неадаптированные» характерны самые высокие значения оценок по шкале «Цифровая тревожность» и относительно других групп низкие значения по шкале «Позитивное отношение к цифровизации». Тревожность как ожидание угрозы в связи с цифровизацией определяет достаточно высокие значения оценок по шкале «Обеспечение безопасности в цифровой среде» при низких значениях оценок по шкалам «Грамотность информационного поиска» и шкалам адаптации в семейной, профессиональной и образовательной сферах. В образовательной сфере эта группа обнаруживает высокую готовность и низкую тревожность по отношению к онлайн-обучению, что, вероятно, связано с явным предпочтением опосредованных не прямых форм коммуникации, характерных для лиц с высоким уровнем тревожности.

Второй кластер отличается самыми высокими, по сравнению с другими кластера-

ми, показателями адаптации практически по всем заданным шкалам, за исключением шкал «Цифровая тревожность» и «Тревожное отношение к онлайн-обучению». Умение обеспечить безопасность своих действий в цифровой среде, грамотность информационного поиска, адаптация в профессиональной, образовательной и семейной сферах сочетаются с высоким уровнем нормативной адаптации и отсутствием склонности к обману и мошенничеству. Эта группа была названа нами «Адаптированные» (N=131).

Респонденты третьего кластера обнаруживают самые низкие оценки показателей адаптации по всем шкалам — респонденты этого кластера недостаточно владеют умениями информационного поиска и обеспечения безопасности, испытывают трудности в коммуникации в цифровой среде, имеют недостаточный уровень адаптации к цифровизации в семейной, профессиональной и образовательной среде при низком уровне цифровой тревожности. Вместе с тем для этой группы характерна самая низкая готовность и наибольшая тревожность по отноше-

нию к онлайн-обучению. Эта группа может быть охарактеризована как «Неадаптированные» к цифровизации (N=135).

Поскольку в качестве критерия успешности психологической адаптации можно рассматривать психологическое благополучие личности, для подтверждения нашего вывода о характере психологической адаптации мы сравнили кластеры по оценкам психологического благополучия (табл. 3).

Выявлены самые высокие оценки психологического благополучия для респондентов кластера «Адаптированные» и самые низкие — для кластера «Неадаптированные».

Выявлены значимые различия по уровню психологического благополучия для парного сравнения всех кластеров. Таким образом, получено подтверждение нашему выводу о характере психологической адаптации для выделенных кластеров.

Проведем анализ значимости различий в базисных убеждениях и социальных верованиях, отражающих образ мира у лиц с различным уровнем психологической адаптации к цифровизации. Результаты статистического анализа с использованием однофакторного дисперсионного анализа ANOVA и теста Тьюки представлены в табл. 4 и 5.

Таблица 3

Дескриптивная статистика и значимые различия между кластерами по шкале психологического благополучия (N=408)

Шкала	Кластер 1 Тревожно-неадаптированные N=142		Кластер 2 Адаптированные N=131		Кластер 3 Неадаптированные N=135		Значимость различий между кластерами
	M	SD	M	SD	M	SD	
Психологическое благополучие	3,46	0,57	3,84	0,51	3,20	0,64	Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. $F=41,51$, $p<0,01$, $\eta^2=0,17$ Пост-хок Тьюки: между 1 и 2 $MD=-0,38$; $p<0,01$, между 1 и 3 $MD=0,26$; $p<0,01$, между 2 и 3 $MD=0,64$; $p<0,01$.

Таблица 4

Дескриптивная статистика и значимые различия между кластерами по базисным убеждениям и верованиям (N=408)

Шкалы базисных убеждений и верований	Кластер 1 Тревожно-неадаптированные		Кластер 2 Адаптированные		Кластер 3 Неадаптированные		Различия		Сила эффекта
	M	SD	M	SD	M	SD	F	p	
Доброжелательность окружающего мира	3,18	0,94	3,00	0,65	2,88	0,46	4,67	0,01	0,02

Шкалы базисных убеждений и верований	Кластер 1 Тревожно-неадаптированные		Кластер 2 Адаптированные		Кластер 3 Неадаптированные		Различия		Сила эффекта η^2
	M	SD	M	SD	M	SD	F	p	
Справедливость окружающего мира	3,50	0,81	3,48	0,69	3,21	0,68	6,51	<0,01	0,03
Образ Я	3,46	0,73	3,63	0,67	3,14	0,63	18,39	<0,01	0,08
Вера в удачу	3,13	0,64	3,21	0,59	3,00	0,62	3,75	0,02	0,02
Вера в контроль над окружающим миром	3,43	0,71	3,53	0,62	3,21	0,65	8,34	<0,01	0,04
Вера в опасный мир	3,30	0,45	3,11	0,46	3,19	0,39	6,10	<0,01	0,03
Вера в конкурентный мир	2,70	0,49	2,38	0,53	2,69	0,47	18,17	<0,01	0,08
Вера в справедливый мир	3,31	0,55	3,50	0,52	3,31	0,64	4,72	0,01	0,02
Интолерантность к неопределенности	4,71	1,16	4,72	0,88	4,30	0,97	7,74	<0,01	0,04
Толерантность к неопределенности	4,79	1,00	4,86	0,74	4,32	0,92	14,27	<0,01	0,07

Таблица 5

Анализ значимых различий между кластерами по базисным убеждениям и верованиям с использованием теста Тьюки (N=408)

Шкалы базисных убеждений и верований	Кластер 1/ Кластер 2		Кластер 1/ Кластер 3		Кластер 2/ Кластер 3	
	MD	p	MD	p	MD	p
Доброжелательность окружающего мира	0,17	0,18	0,29	0,01	0,12	0,44
Справедливость окружающего мира	0,02	0,96	0,29	<0,01	0,27	0,01
Образ Я	-0,17	0,09	0,32	<0,01	0,49	<0,01
Вера в удачу	-0,08	0,51	0,12	0,23	0,21	0,02
Вера в контроль над окружающим миром	-0,10	0,44	0,22	0,01	0,32	<0,01
Вера в опасный мир	0,19	<0,01	0,11	0,11	-0,08	0,30
Вера в конкурентный мир	0,33	<0,01	0,01	0,99	-0,32	<0,01
Вера в справедливый мир	-0,18	0,02	0,01	0,99	0,19	0,22
Интолерантность к неопределенности	-0,01	0,99	0,42	<0,01	0,43	<0,01
Толерантность к неопределенности	-0,06	0,83	0,48	<0,01	0,54	<0,01

Сравнительный анализ базисных убеждений групп респондентов, различающихся по характеру адаптации, обнаруживает значимые различия группы «неадаптированных» от группы «адаптированных» и «тревожно-неадаптированных» по всем шкалам, за исключением убеждения в до-

брожелательности мира, по сравнению с группой «адаптированных», и верой в удачу, по сравнению с группой «тревожно-неадаптированных». Таким образом, для группы «неадаптированных» к цифровизации респондентов характерны самые низкие показатели убеждений в доброжелательности,

справедливости и контролируемости окружающего мира, веры в удачу и позитивный образ Я. Интересно, что значимое различие между «адаптированными» и «тревожно-неадаптированными» было зафиксировано лишь в отношении шкалы образ Я, который у «тревожных» респондентов оказывается менее позитивным, чем у «адаптированных». Что касается социальных верований, то здесь группа «тревожно-адаптированных» характеризуется самыми высокими оценками веры в опасный и конкурентный мир, по сравнению с другими группами. Образ мира, заданный через социальные верования, у группы «адаптированных»

оказывается наиболее позитивным. Группа «неадаптированных» более склонна, по сравнению с «адаптированными», верить в конкурентный и менее справедливый мир, обнаруживая противоречивость отношения к неопределенности, что выражается в самых низких оценках как толерантности, так и интолерантности к неопределенности.

Результаты сравнительного анализа ценностей высшего порядка и базисных ценностей с использованием однофакторного дисперсионного анализа ANOVA и теста Тьюки представлены в табл. 6 и 7.

Обнаружены значимые различия по оценкам ценностей высшего порядка между

Таблица 6

Дескриптивная статистика и значимые различия между кластерами по ценностям высшего порядка и базисным ценностям (N=408)

Шкалы ценностей	Кластер 1 Тревожно-неадаптированные		Кластер 2 Адаптированные		Кластер 3 Неадаптированные		Различия		Сила эффекта η^2
	M	SD	M	SD	M	SD	F	p	
Ценности изменения	4,38	0,71	4,52	0,56	4,02	0,84	17,48	<0,01	0,08
Ценности сохранения	4,43	0,73	4,50	0,67	4,02	0,82	15,86	<0,01	0,08
Ценности самопреодоления	4,51	0,74	4,76	0,62	4,08	0,86	26,50	<0,01	0,12
Ценности самоутверждения	3,78	0,79	3,54	0,84	3,59	0,86	2,95	0,05	0,02
Самостоятельность мыслей	4,68	0,84	5,16	0,58	4,29	1,11	30,34	<0,01	0,13
Самостоятельность поступков	4,81	0,90	5,23	0,61	4,32	1,06	35,55	<0,01	0,15
Стимулирование	4,06	0,81	4,16	0,84	3,71	0,93	9,20	<0,01	0,04
Гедонизм	4,27	0,95	4,17	0,92	4,01	1,09	2,33	0,10	0,01
Достижения	4,02	0,98	3,99	1,07	3,83	1,06	1,34	0,26	0,01
Власть-доминирование	3,30	1,10	2,93	0,94	3,17	0,99	4,66	0,01	0,02
Власть над ресурсами	3,46	1,14	3,05	1,19	3,37	1,12	4,75	0,01	0,02
Репутация	4,62	0,85	4,56	0,94	4,15	1,05	10,54	<0,01	0,05
Безопасность личная	4,64	0,97	4,72	0,82	4,24	0,98	10,40	<0,01	0,05
Безопасность общественная	4,98	0,95	5,25	0,77	4,44	1,10	25,09	<0,01	0,11
Традиции	4,29	1,18	4,42	1,15	3,79	1,26	10,44	<0,01	0,05
Конформизм в отношении правил	4,00	1,00	4,13	1,05	3,85	0,99	2,49	0,08	0,01
Конформизм межличностный	4,21	0,96	4,02	0,96	3,82	0,94	5,81	<0,01	0,03
Скромность	3,99	0,84	3,88	0,81	3,67	0,93	4,98	<0,01	0,02

Шкалы ценностей	Кластер 1 Тревожно-неадап- тированные		Кластер 2 Адаптированные		Кластер 3 Неадаптированные		Различия		Сила эффекта η^2
	M	SD	M	SD	M	SD	F	p	
Универсализм — забота о других	4,70	0,89	4,72	0,98	4,15	1,03	16,09	<0,01	0,07
Универсализм — забота о природе	4,14	1,06	4,32	0,96	3,85	1,08	6,96	<0,01	0,03
Универсализм — толерантность	4,22	0,89	4,45	0,83	3,81	1,03	17,68	<0,01	0,08
Благожелательность — забота	4,73	0,91	5,15	0,69	4,34	1,16	23,17	<0,01	0,10
Благожелательность — долг	4,75	0,90	5,11	0,62	4,29	1,05	29,57	<0,01	0,13

Таблица 7

Анализ значимых различий между кластерами по ценностям высшего порядка и базисным ценностям с использованием теста Тьюки (N=408)

Шкалы ценностей	Кластер 1/ Кластер 2		Кластер 1/ Кластер 3		Кластер 2/ Кластер 3	
	MD	p	MD	p	MD	p
Ценности изменения	-0,15	0,21	0,36	<0,01	0,51	<0,01
Ценности сохранения	-0,07	0,74	0,41	<0,01	0,48	<0,01
Ценности самопреодоления	-0,24	0,02	0,42	<0,01	0,66	<0,01
Ценности самоутверждения	0,23	0,06	0,18	0,18	-0,06	0,85
Самостоятельность мыслей	-0,48	<0,01	0,39	<0,01	-0,87	<0,01
Самостоятельность поступков	-0,42	<0,01	0,49	<0,01	0,91	<0,01
Стимулирование	-0,10	0,62	0,34	<0,01	0,44	<0,01
Гедонизм	0,10	0,70	0,25	0,08	0,16	0,40
Достижения	0,04	0,95	0,19	0,27	0,16	0,44
Власть-доминирование	0,37	<0,01	0,14	0,51	-0,24	0,14
Власть над ресурсами	0,41	0,01	0,09	0,81	-0,32	0,06
Репутация	0,06	0,87	0,47	<0,01	0,41	<0,01
Безопасность личная	-0,08	0,76	0,40	<0,01	0,48	<0,01
Безопасность общественная	-0,27	0,05	0,54	<0,01	0,81	<0,01
Традиции	-0,12	0,69	0,50	<0,01	0,63	<0,01
Конформизм в отношении правил	-0,13	0,54	0,15	0,45	0,28	0,07
Конформизм межличностный	0,19	0,24	0,39	<0,01	0,20	0,19
Скромность	0,12	0,51	0,32	<0,01	0,21	0,12
Универсализм — забота о других	-0,01	0,99	0,56	<0,01	0,57	<0,01
Универсализм — забота о природе	-0,17	0,35	0,29	0,05	0,47	<0,01

Шкалы ценностей	Кластер 1/ Кластер 2		Кластер 1/ Кластер 3		Кластер 2/ Кластер 3	
	MD	p	MD	p	MD	p
Универсализм — толерантность	-0,23	0,09	-0,47	<0,01	0,64	<0,01
Благожелательность — забота	-0,42	<0,01	0,39	<0,01	0,80	<0,01
Благожелательность — долг	-0,37	<0,01	0,46	<0,01	0,83	<0,01

всеми кластерами, различающимися по уровню адаптации к цифровизации. «Адаптированные» респонденты отличаются от групп респондентов с низким уровнем адаптации к цифровизации большей значимостью ценности самопреодоления и меньшей значимостью противоположной ценности самоутверждения. Респонденты из кластера «неадаптированные» имеют самые низкие оценки по всем группам ценностей, уступая двум другим кластерам, за исключением ценности самоутверждения. «Тревожно-неадаптированные» респонденты превосходят «неадаптированных» по ценностям изменений, сохранения, самопреодоления, за исключением ценности самоутверждения. Анализ различий по базовым ценностям позволил дать следующую характеристику ценностной сферы каждого кластера. Респонденты с высоким уровнем цифровой адаптированности значимо отличаются от других групп высокой ценностью самостоятельности мыслей и поступков, общественной безопасности, универсализмом как толерантностью и благожелательностью как в форме заботы, так и долга, а также более низкой значимостью власти — доминирования и власти над ресурсами. Также выявлены существенные различия в большей значимости ценностей стимулирования, репутации, личной безопасности, традиций, нормативного конформизма и всех видов универсализма для группы «адаптированных», по сравнению с группой «неадаптированных». Различия ценностной сферы кластеров «неадаптированные» и «тревожно-неадаптированные» заключаются в большей значимости ценностей самостоятельности мыслей и поступков, стимулирования, репутации, личной и общественной

безопасности, традиций, межличностного конформизма и скромности, универсализме как заботе о других и толерантности, благожелательности в виде заботы и долга для респондентов «тревожно-неадаптированного» кластера. Можно констатировать большую близость характеристик ценностной сферы респондентов групп «адаптированные» и «тревожно-неадаптированные» и большие различия с группой «неадаптированные». Соответственно, можно заключить, что значимость ценности самопреодоления выступает мотиватором постановки и реализации целей психологической адаптации к вызовам цифрового общества, а ценность самоутверждения, напротив, препятствует эффективности адаптационного процесса.

Сравнительное изучение возрастных особенностей психологической адаптации личности к цифровизации в различных социальных сферах в молодости и средней зрелости было направлено на выявление различий по шкалам психологической адаптации и особенностям ценностного сознания (табл. 8).

Выявлена неоднозначная картина психологической адаптации к цифровизации общества при анализе результатов возрастных групп молодости и средней зрелости. Респонденты старшей по возрасту группы превосходят младшую по грамотности информационного поиска и нормативной адаптации, адаптации в семейной и профессиональной сферах, в то время как респонденты младшей группы более адаптированы к интернет-коммуникации и к цифровизации в образовательной сфере. Респонденты старшей группы более склонны к проявлению цифровой тревожности, но

Таблица 8

Различия между возрастными группами по уровню психологической адаптации к цифровизации (N=408)

Шкалы психологической адаптации к цифровизации	Молодость (18—26 лет)		Средняя зрелость (45—55 лет)		Различия		Сила эффекта
	M	SD	M	SD	F	p	η^2
Обеспечение безопасности в цифровой среде	3,47	0,60	3,57	0,57	0,38	0,54	<0,01
Грамотность информационного поиска	3,37	0,58	3,33	0,64	5,65	0,02	0,01
Коммуникативная адаптация	3,16	0,47	3,26	0,47	4,70	0,03	0,01
Нормативная адаптация (отсутствие склонности к обману и мошенничеству)	3,26	0,53	3,15	0,54	71,95	<0,01	0,14
Цифровая тревожность	3,12	0,81	3,73	0,72	5,09	0,03	0,01
Адаптация к цифровизации в семейной сфере	3,10	0,69	3,74	0,72	42,39	<0,01	0,09
Адаптация в профессиональной сфере	3,01	0,73	3,47	0,75	9,47	<0,01	0,02
Адаптация в образовательной сфере	3,06	0,51	3,20	0,46	5,22	0,02	0,01
Готовность к онлайн-обучению	3,14	0,31	3,07	0,35	11,33	<0,01	0,02
Тревожное отношение к онлайн-обучению	3,33	0,49	3,49	0,51	5,62	<0,01	0,01
Коммуникативная адаптация к онлайн-обучению	3,12	0,44	3,05	0,49	43,3	<0,01	0,09
Позитивное отношение к цифровизации	2,83	0,84	2,64	0,89	2,61	0,10	0,01

при этом проявляют большую готовность к онлайн-обучению. Молодые люди обнаруживают большую адаптацию к цифровизации в образовательной сфере и коммуникации в онлайн-обучении. Таким образом, наши данные свидетельствуют о различной включенности и освоении цифровых средств в различных социальных сферах представителей возрастных групп, что связано, по нашему мнению, со значимостью и мерой освоенности той или иной сферы деятельности. Для группы молодежи более эффективное освоение выявлено для сферы образования и коммуникации, а для группы средней зрелости — для профессиональной и семейной сфер. Однако адаптация к цифровизации у старшей возрастной группы сочетается с высокой цифровой тревожностью при позитивном отношении к самому процессу цифровизации.

Исходя из гипотезы о роли ценностной сферы личности как основы мотивации и целеполагания в процессе психологической адаптации к цифровизации общества, мы

сравнили показатели ценностей высшего порядка у исследуемых возрастных групп, обнаруживших значимые различия в характере психологической адаптации к цифровизации (табл. 9).

Результаты, полученные с помощью однофакторного дисперсионного анализа, обнаруживают значимость различий по всем ценностям высшего порядка, за исключением ценности самоутверждения у респондентов возрастной группы средней зрелости. Можно предположить, что большая значимость ценности изменения и самопреодоления у респондентов старшей по возрасту группы определяет мотивацию адаптации в значимых для этого возраста профессиональной и семейной сферах, а также необходимую для успешности профессиональной деятельности поведенческую цифровую адаптацию в виде высокой грамотности информационного поиска. Большая, по сравнению со старшей группой, значимость ценности самоутверждения выступает основной мотивации и целеустремленности молодых

Таблица 9

Дескриптивная статистика и значимость различий оценок ценностей группой респондентов молодости и средней зрелости (N=408)

Ценности высшего порядка	Молодость (18—26 лет)		Средняя зрелость (45—55 лет)		Различия		Сила эффекта
	M	SD	M	SD	F	p	η^2
Ценности изменения	4,17	0,83	4,41	0,65	12,25	<0,01	0,03
Ценности сохранения	4,05	0,81	4,48	0,71	37,59	<0,01	0,08
Ценности самопреодоления	4,24	0,85	4,59	0,70	22,29	<0,01	0,05
Ценности самоутверждения	3,85	0,79	3,51	0,79	20,32	<0,01	0,04

респондентов для решения задач развития этого возраста — обретения партнеров в совместной деятельности и близких межличностных отношениях (адаптация в коммуникации) и получения образования. Таким образом, мы получили подтверждение тому, что ценности, составляя основу целеполагания и мотивации деятельности, значимой для возрастного этапа развития личности, выступают условием успешной психологической адаптации личности к цифровизации различных социальных сфер. Высказанное предположение требует продолжения исследования и составляет его перспективу.

Обсуждение результатов

Центральной системообразующей характеристикой психологической адаптации человека как сложного системного явления является отношение человека к окружающей действительности и к самому себе [6], когда деятельность человека, побуждаемая мотивами и регулируемая ценностями, опосредующими целеполагание, выступает как активное формирование субъектом стратегий и способов овладения ситуацией на разных уровнях регуляции поведения [8]. Ценностные иерархии как сверхиндивидуальные системы, определяющие отношение «личность — общество», могут как содействовать, так и препятствовать процессам адаптации [18]. Мы предположили, что базовые ценности, как и ценности высшего порядка, выступая как мотиваторы и переходные цели личности, будут связаны с успешностью психологической адаптации личности к цифровизации различных

социальных сфер динамично изменяющегося общества. Нами было выделены три группы респондентов, различающихся особенностями адаптации — группа хорошо адаптированных, неадаптированных, отличающихся высокой тревожностью в связи с цифровизацией, и неадаптированных, не испытывающих тревоги в связи с цифровизацией. Наше предположение о характере адаптации выделенных групп получило подтверждение в связи с установленным фактом более высокого уровня психологического благополучия у группы хорошо адаптированных респондентов. Сравнительный анализ особенностей глубинных убеждений и социальных верований групп обнаружил существенные различия в их образе мира и отношении к самому себе и окружающему миру. В случае успешной адаптации, в отличие от группы «неадаптированных», окружающий мир воспринимается как доброжелательный, справедливый и контролируемый, а образ Я имеет безусловно позитивный характер. Для «неадаптированных» респондентов мир воспринимается как конкурентный и недостаточно справедливый, а в случае проявления тревожности по отношению к цифровизации — как опасный и неконтролируемый, а образ Я характеризуется негативно.

Опираясь на круговую модель базовых ценностей Ш. Шварца, мы выявили существенные различия ценностной сферы групп с различной психологической адаптацией к цифровизации. Ценностная сфера респондентов, адаптированных к цифровизации, отличается выраженностью социального фо-

куса ценностей, сбалансированного с ценностями персонального развития, свободой от тревоги и самозащит, и характеризуется высокой значимостью ценностей самопреодоления и значимостью ценностей изменения. Это согласуется с результатами исследования связи базовых ценностей, выделенных в концепции Ш. Шварца, с вовлеченностью в ИКТ активности, в частности, с положением о значимости ценностей изменения [17]. Это означает, что чем более значимы ценности сохранения (традиций, конформизма, личной и общественной безопасности), тем менее выражена готовность к инновационным формам обучения с использованием цифровых технологий и тем сложнее принятие личностью новых форм коммуникации в онлайн-обучении. Выявленная связь базовых ценностей и особенностей психологической адаптации к цифровизации лишь на теоретическом уровне с опорой на положение теории Ш. Шварца предполагает причинно-следственные отношения, в которых ценности выступают как причина адаптации. Подобное предположение требует дальнейшего исследования.

Наши результаты являются еще одним свидетельством несостоятельности мифа о тотальном превосходстве молодого поколения над старшим в освоении цифровых технологий в различных сферах. Обнаружены возрастные различия психологической адаптации к различным аспектам цифровизации в профессиональной и образовательной сферах, свидетельствующие о том, что значимость и, как мы предполагаем, смысл деятельности, обусловленный содержанием ценностной сферы личности, определяют готовность человека к освоению новых цифровых технологий как культурных средств осуществления деятельности и, тем самым, продуктивность психологической адаптации к процессу цифровизации. Адаптация к инновационным цифровым технологиям в коммуникативной и образовательной сферах, релевантным задачам развития возрастной стадии, происходит успешнее в молодом возрасте, а в профессиональной и семейной сферах — в период средней зрелости.

Ограничения исследования связаны с необходимостью изучения причинно-следственных связей успешности психологической адаптации к цифровизации с ценностной структурой сознания с учетом более полного спектра условий и факторов, влияющих на реализацию деятельности субъекта. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении связей между целеполаганием, обусловленным ценностной сферой, регуляцией и контролем деятельности, стратегиями совладания и характером адаптации к цифровизации.

Заключение

1. Характер психологической адаптации к цифровизации общества как сложного системного процесса обнаруживает гетерогенность и неравномерность как по отношению к различным параметрам цифровой адаптации, так и по отношению к различным социальным сферам.

2. Установлена связь базисных убеждений и социальных верований личности с успешностью психологической адаптации к цифровизации. Успешная адаптация сопряжена с убеждениями в доброжелательности, справедливости и контролируемости мира, трудности адаптации — с восприятием мира как опасного, конкурентного и недостаточно справедливого.

3. Результаты подтверждают гипотезу о связи базовых ценностей с успешностью психологической адаптации к цифровизации. Ценности самопреодоления, ориентированные на социальный фокус, включая благополучие окружающих людей и универсализм как понимание, признание, терпимость и защиту благополучия всех людей и природы в сочетании с ценностью открытости к изменениям в виде активного выбора на основе ценностей самостоятельности мыслей и поступков, определяют структуру ценностной сферы личности в случае успешной адаптации. В случае низкой адаптации, напротив, значимы ценности самоуверждения и самовозвышения, а также ценности сохранения в условиях возрастания тревожности, связанной с цифровизацией.

4. Возрастные особенности психологической адаптации к цифровизации связаны с задачами развития возраста и значимостью социальных сфер и видов деятельности — в период молодости, по сравнению со средней

зрелостью, успешность адаптации к цифровизации выше в коммуникативной и образовательной сферах, а в средней зрелости — в профессиональной при высоком уровне цифровой тревожности.

Приложение

Дескриптивная статистика для параметров психологической адаптации к цифровизации, шкалам базисных убеждений, психологического благополучия, верований и ценностных ориентаций (N=408)

Шкалы исследуемых параметров		
Шкалы психологической адаптации к цифровизации	M	SD
Обеспечение безопасности в цифровой среде	3,34	0,62
Грамотность информационного поиска	3,22	0,47
Коммуникативная адаптация	3,19	0,53
Нормативная адаптация (отсутствие склонности к обману и мошенничеству)	3,49	0,81
Цифровая тревожность	3,18	0,68
Адаптация к цифровизации в семейной сфере	3,29	0,77
Адаптация в профессиональной сфере	3,13	0,48
Адаптация в образовательной сфере	3,09	0,33
Готовность к онлайн-обучению	3,42	0,50
Тревожное отношение к онлайн-обучению	2,71	0,87
Коммуникативная адаптация к онлайн-обучению	2,67	0,56
Позитивное отношение к цифровизации	3,07	0,47
Психологическое благополучие	3,51	0,62
Доброжелательность окружающего мира	3,02	0,81
Справедливость окружающего мира	3,41	0,75
Образ Я	3,40	0,70
Вера в удачу	3,11	0,62
Вера в контроль над окружающим миром	3,39	0,68
Вера в опасный мир	3,20	0,43
Вера в конкурентный мир	2,59	0,52
Вера в справедливый мир	3,37	0,58
Интолерантность к неопределенности	4,57	1,02
Толерантность к неопределенности	4,65	0,92
Ценности изменения	4,32	0,73
Ценности сохранения	4,31	0,78
Ценности самопреодоления	4,44	0,78
Ценности самоутверждения	3,36	0,81
Самостоятельность мыслей	4,46	0,97
Самостоятельность поступков	4,78	0,94
Стимулирование	3,39	0,90
Гедонизм	4,16	0,98
Достижения	3,95	1,01

Шкалы исследуемых параметров		
Шкалы психологической адаптации к цифровизации	M	SD
Власть-доминирование	3,14	1,03
Власть над ресурсами	3,29	1,13
Репутация	4,40	0,92
Безопасность личная	4,51	0,95
Безопасность общественная	4,86	1,01
Традиции	4,17	1,19
Конформизм в отношении правил	3,99	1,01
Конформизм межличностный	4,00	0,98
Скромность	3,84	0,86
Универсализм — забота о других	4,52	0,97
Универсализм — забота о природе	4,10	1,04
Универсализм — толерантность	4,15	0,91
Благожелательность — забота	4,74	1,00
Благожелательность — долг	4,72	0,93

Литература

1. Антонова Н.В. Цифровая трансформация организации и благополучие сотрудников // Социальная и экономическая психология. 2022. Том 7. № 3(27). С. 201—233. DOI:10.38098/irapn_ser_2022_27_3_07

2. Белинская Е.П., Шаехов З.Д. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46. № 3. С. 239—260. DOI:10.11621/LPJ-23-35

3. Богомолов А.М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа // Психологическая наука и образование. 2008. Том 13. № 1. С. 67—73.

4. Войскунский А.Е., Солдатова Г.У. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 3. С. 431—450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

5. Гулевич О.А., Аникеев О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 2. С. 68—89.

6. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход). М.: Изд-во ИП РАН, 2003. 318 с.

7. Карabanова О.А., Тихомандрицкая О.А., Молчанов С.В. Психологическая адаптация к рискам цифровизации в сфере профессиональной деятельности взрослых с различным уровнем диспозиционного оптимизма // Национальный

психологический журнал. 2023. Т. 18. № 4. С. 3—15. DOI:10.11621/npj.2023.0401

8. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 240 с.

9. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Том 7. № 1. С. 92—110.

10. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3(105). С. 77—96. DOI:10.17759/cpp.2019270306

11. Нартова-Бочавер С.К., Подлипняк М.Б., Хохлова А.Ю. Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых // Клиническая и специальная психология. 2013. Том 2. № 3.

12. Падун М.А., Котельникова А.В. Методика исследования базисных убеждений личности. Лаборатория психологии и психотерапии посттравматического стресса. М.: ИП РАН, 2007.

13. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Представления о реальном и виртуальном пространствах как часть актуальной картины мира подростков и родителей в цифровом обществе: возможности адаптации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Том 12. № 3. С. 226—248. DOI:10.21638/spbu16.2022.301

14. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: от онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая

- психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 87—98. DOI:10.17759/chp.2020160409
15. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 3. С. 11—30. DOI:10.17759/sps.2023140302
16. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 4. С. 27—37. DOI:10.17759/chp.2022180403
17. Татарко А.Н., Макласова Е.В., Дубров Д.И., Багдасарян М.А. Связь базовых человеческих ценностей и вовлеченности в использование информационно-коммуникационных технологий у молодежи и старшего поколения // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 2. С. 5—18. DOI:10.17759/pse.2022270201
18. Хартманн Х. Эго-психология и проблема адаптации. М.: Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2002. 212 с.
19. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43—70.
20. Шилко Р.С., Долгих А.Г., Алмазова О.В. Измерение психического здоровья в образовательном пространстве: шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. Материалы Международной научно-практической конференции (10-11 октября 2018 г., Санкт-Петербург) / Под общ. ред. Л.А. Цветковой, Е.Н. Волковой, А.В. Микляевой. В 2-х частях. Часть 1. 354 с.
21. Brubaker R. Digital hyperconnectivity and the self // *Theory and Society*. 2020. Vol. 49(5—6). P. 771—801. DOI:10.1007/s11186-020-09405-1
22. Caprara G.V., Steca P. Prosocial agency: The contribution of values and self-efficacy beliefs to prosocial behavior across ages // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2007. Vol. 26(2). P. 218—239. DOI:10.1521/jscp.2007.26.2.218
23. Cieciuch J., Schwartz S.H., Vecchione M. Applying the Refined Values Theory to Past Data: What Can Researchers Gain? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44(8). P. 1215—1234. DOI:10.1177/0022022113487076
24. Gallego J.P., De Juanas Oliva Á., Castilla F.J.G., Plaza Á.M. Relationship between basic human values and decision-making styles in adolescents // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17(22). P. 8315. DOI:10.3390/ijerph17228315
25. Maio G.R., Olson J.M. Relations between values, attitudes, and behavioral intentions: The moderating role of attitude function // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1995. Vol. 31(3). P. 266—285. DOI:10.1006/jesp.1995.1013
26. Nazirova Z., Borbala S. Values, Attitudes and the Behaviour Paradigm: A Systematic Literature Review // *Journal of Human Values*. 2024. Vol. 30(2). P. 214—239. DOI:10.1177/09716858241236902
27. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Torres C., Dirilem-Gumus O., Butenko T. Value tradeoffs propel and inhibit behavior: Validating the 19 refined values in four cultural groups // *European Journal of Social Psychology*. 2017. Vol. 47(3). P. 241—258. DOI:10.1002/ejsp.2228
28. Slemp G.R., Field J.G., Ryan R.M., Forner V.W., Van den Broeck A., Lewis K.J. Interpersonal supports for basic psychological needs and their relations with motivation, well-being, and performance: A meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2024. Advance online publication. DOI:10.1037/pspi0000459
29. Verplanken B., Holland R.W. Motivated decision making: Effects of activation and self-centrality of values on choices and behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82(3). P. 434—447. DOI:10.1037/0022-3514.82.3.434
30. Wallace D.S., Paulson R.M., Lord C.G., Bond C.F.Jr. Which behaviors do attitudes predict? Meta-analyzing the effects of social pressure and perceived difficulty // *Review of General Psychology*. 2005. Vol. 9(3). P. 214—227. DOI:10.1037/1089-2680.9.3.214

References

1. Antonova N.V. Tsifrovaya transformatsiya organizatsii i blagopoluchie sotrudnikov [Digital transformation of organization and well-being of employees]. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Social and economic psychology*, 2022. Vol. 7, no. 3(27), pp. 201—233. DOI:10.38098/ipran.sep_2022_27_3_07 (In Russ.).
2. Belinskaya E.P., Shaekhov Z.D. Vzaimosvyaz' psikhologicheskogo blagopoluchiya i adaptatsii k riskam tsifrovogo mira v molodezhnom vozraste [Interaction of psychological well-being and adaptation to risks of digital world in youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Bulletin of Moscow State University. Psychology*, 2023. Vol. 46, no. 3, pp. 239—260. DOI:10.11621/LPJ-23-35 (In Russ.).
3. Bogomolov A.M. Lichnostnyi adaptatsionnyi potentsial v kontekste sistemnogo analiza [Personal adaptational potential in the context of system

- analysis]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological science and education*, 2008. Vol. 13, no. 1, pp. 67—73. (In Russ.).
4. Voiskunskii A.E., Soldatova G.U. Sotsial'no-kognitivnaya kontsepsiya tsifrovoi sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial'naya evolyutsiya psikhiki [Social-cognitive conception of digital socialization: new ecosystem and social evolution of psyche]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economy*, 2021. Vol. 18, no. 3, pp. 431—450. DOI:10.17323/1813-8918-2021-3-431-450 (In Russ.).
5. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial'nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social attitudes: adaptation of methods of D. Dakkit]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economy*, 2014. Vol. 11, no. 2, pp. 68—89. (In Russ.).
6. Dikaya L.G. Psikhicheskaya samoregulyatsiya funktsional'nogo sostoyaniya cheloveka (sistemno-deyatel'nostnyi podkhod) [Psychological self-regulation of functional condition of person (system-activity approach)]. Moscow: Publ. IP RAN, 2003. 318 p. (In Russ.).
7. Karabanova O.A., Tikhomandritskaya O.A., Molchanov S.V. Psikhologicheskaya adaptatsiya k riskam tsifrovizatsii v sfere professional'noi deyatel'nosti vzroslykh s razlichnym urovnem dispozitsionnogo optimizma [Psychological adaptation to risks of digitalization in sphere of professional activity of adults with different level of dispositional optimism]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological Journal*, 2023. Vol. 18, no. 4, pp. 3—15. DOI:10.11621/npj.2023.0401 (In Russ.).
8. Konopkin O.A. Psikhologicheskie mekhanizmy regulyatsii deyatel'nosti [Psychological mechanisms of activity regulation]. Moscow: Nauka, 1980. 240 p. (In Russ.).
9. Kornilova T.V., Chumakova M.A. Shkaly tolerantnosti i intolerantnosti k neopredelennosti v modifikatsii oprosnika S. Badnera [Scale of tolerance and intolerance to uncertainty in modified scae of S. Badnera]. *Ekspiermental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2014. Vol. 7, no. 1, pp. 92—110. (In Russ.).
10. Martsinkovskaya T.D. Informatsionnoe prostranstvo tranzitivnogo obshchestva: problemy i perspektivy razvitiya [Informational space of transitive society: problems and perspevtice of development]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Consulting Psychology and Psychotherapy*, 2019. Vol. 27, no. 3(105), pp. 77—96. DOI:10.17759/cpp.2019270306 (In Russ.).
11. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slyshashchikh podrostkov i vzroslykh [Belief in justice world and psychological well-being among deaf and hearing adolescents]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical and Special Psychology*, 2013. Vol. 2, no. 3. (In Russ.).
12. Padun M.A., Kotel'nikova A.V. Metodika issledovaniya bazisnykh ubezhdenii lichnosti. Laboratoriya psikhologii i psikhoterapii posttravmaticheskogo stressa [The scale of investigation of Basci Assumptions of Personality]. Moscow: IP RAN, 2007. 87 p. (In Russ.).
13. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Predstavleniya o real'nom i virtual'nom prostranstvakh kak chast' aktual'noi kartiny mira podrostkov i roditelei v tsifrovom obshchestve: vozmozhnosti adaptatsii [Representations of real and virtual spaces as part of active world image of adolescents and parents in digital society: the options for adaptation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Bulletin of Saint-Petersburg University. Psychology*, 2022. Vol. 12, no. 3, pp. 226—248. DOI:10.21638/spbu16.2022.301 (In Russ.).
14. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Itogi tsifrovoi transformatsii: ot onlain-real'nosti k smeshannoi real'nosti [The result of digital transformation: from online reality to mixed reality]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 87—98. DOI:10.17759/chp.2020160409 (In Russ.).
15. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Tsifrovaya sotsializatsiya rossiiskikh podrostkov: skvoz' prizmu sravneniya s podrostkami 18 evropeiskikh stran [Digital socialization of Russian adolescents: through comparison with adolescents from 18 European countries]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social psychology and society*, 2023. Vol. 14, no. 3, pp. 11—30. DOI:10.17759/sps.2023140302 (In Russ.).
16. Soldatova G.U., Chigar'kova S.V., Ilyukhina S.N. Ya-real'noe i Ya-virtual'noe: identifikatsionnye matritsy podrostkov i vzroslykh [I-real and I-virtual: identificatsionny matrix of adolescents and adults]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 27—37. DOI:10.17759/chp.2022180403 (In Russ.).
17. Tatarko A.N., Maklasova E.V., Dubrov D.I., Bagdasaryan M.A. Svyaz' bazovykh chelovecheskikh tsennostei i вовлеченности v ispol'zovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologii u molodezhi i starshego pokoleniya [Link between basic human values and use of informational-communicational technologies among youth and eldered generation]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2022. Vol. 27, no. 2, pp. 5—18. DOI:10.17759/pse.2022270201 (In Russ.).

18. Khartmann Kh. Ego-psikhologiya i problema adaptatsii [Ego-psychology and problem of adaptation]. Moscow: Publ. Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2002. 212 p. (In Russ.).
19. Shvarts S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [Defined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economy*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43—70. (In Russ.).
20. Shilko R.S., Dolgikh A.G., Almazova O.V. Izmereniye psikhicheskogo zdorov'ya v obrazovatel'nom prostranstve: shkala psikhologicheskogo blagopoluchiya Varvik-Edinburg [The measurement of psychological health in educational space: the scale of psychological well-being Varvik-Edinburg]. Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (10-11 oktyabrya 2018 g., Sankt-Peterburg) [Gertsen Reading: psychological investigations in education. Material of international science-practical conference]. Part 1. Saint-Peterburg, 2018. 354 p. (In Russ.).
21. Brubaker R. Digital hyperconnectivity and the self. *Theory and Society*, 2020. Vol. 49, no. 5—6, pp. 771—801. DOI:10.1007/s11186-020-09405-1
22. Caprara G.V., Steca P. Prosocial agency: The contribution of values and self-efficacy beliefs to prosocial behavior across ages. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2007. Vol. 26, no. 2, pp. 218—239. DOI:10.1521/jscp.2007.26.2.218
23. Cieciuch J., Schwartz S.H., Vecchione M. Applying the Refined Values Theory to Past Data: What Can Researchers Gain? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013. Vol. 44, no. 8, pp. 1215—1234. DOI:10.1177/0022022113487076
24. Gallego J.P., De Juanas Oliva Á., Castilla F.J.G., Plaza Á.M. Relationship between basic human values and decision-making styles in adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 22, pp. 8315. DOI:10.3390/ijerph17228315
25. Maio G.R., Olson J.M. Relations between values, attitudes, and behavioral intentions: The moderating role of attitude function. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1995. Vol. 31, no. 3, pp. 266—285. DOI:10.1006/jesp.1995.1013
26. Nazirova Z., Borbala S. Values, Attitudes and the Behaviour Paradigm: A Systematic Literature Review. *Journal of Human Values*, 2024. Vol. 30, no. 2, pp. 214—239. DOI:10.1177/09716858241236902
27. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Torres C., Dirilem-Gumus O., Butenko T. Value tradeoffs propel and inhibit behavior: Validating the 19 refined values in four cultural groups. *European Journal of Social Psychology*, 2017. Vol. 47, no. 3, pp. 241—258. DOI:10.1002/ejsp.2228
28. Slep G.R., Field J.G., Ryan R.M., Forner V.W., Van den Broeck A., Lewis K.J. Interpersonal supports for basic psychological needs and their relations with motivation, well-being, and performance: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2024. Advance online publication. DOI:10.1037/pspi0000459
29. Verplanken B., Holland R.W. Motivated decision making: Effects of activation and self-centrality of values on choices and behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 82, no. 3, pp. 434—447. DOI:10.1037/0022-3514.82.3.434
30. Wallace D.S., Paulson R.M., Lord C.G., Bond C.F.Jr. Which behaviors do attitudes predict? Meta-analyzing the effects of social pressure and perceived difficulty. *Review of General Psychology*, 2005. Vol. 9, no. 3, pp. 214—227. DOI:10.1037/1089-2680.9.3.214

Информация об авторах

Карабанова Ольга Александровна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой возрастной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2637-4353>, e-mail: okarabanova@mail.ru

Тихомандрицкая Ольга Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9072-1826>, e-mail: otihomandr@mail.ru

Молчанов Сергей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>, e-mail: s-molch2001@mail.ru

Information about the authors

Olga A. Karabanova, Corresponding Member of RAO, PhD in Psychology, Professor, Head of the Department of Developmental Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2637-4353>, e-mail: okarabanova@mail.ru

Olga A. Tikhomandritskaya, PhD in Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9072-1826>, e-mail: otihomandr@mail.ru

Sergey V. Molchanov, PhD in Psychology, Associate Professor at faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5147-3551>, e-mail: smolch2001@mail.ru

Получена 28.06.2024

Принята в печать 30.08.2024

Received 28.06.2024

Accepted 30.08.2024